

Ю.Херригель

"Дзен и искусство стрельбы из лука"

Когда мы обращаемся к стрельбе из лука и другим видам искусства, распространенным в Японии и по всему Дальнему Востоку, прежде всего бросается в глаза то, что занимающиеся ими не преследуют утилитарных целей и не ставят превыше всего эстетическое наслаждение. Подлинное предназначение этих видов искусства в том, чтобы развивать ум человека, а значит, дать человеку возможность соприкоснуться с первичной реальностью. Поэтому на Востоке стрельбой из лука не занимаются исключительно для того, чтобы научиться поражать мишень; люди здесь учатся сражаться на мечах не для того, чтобы сокрушить своего противника; и танцуют тоже не только для того, чтобы уметь выполнять последовательности грациозных движений. Изучающий искусство прежде всего стремится согласовать ум с Бессознательным.

Если человек желает стать настоящим мастером одного из видов искусства, приобретения технических навыков для этого недостаточно. Он должен оставить технику позади и добиться, чтобы его увлечение стало "безыскусным искусством", которое вырастает из Бессознательного.

В приложении к стрельбе из лука это означает, что стрелок и выстрел должны быть не противоположными началами, а единой реальностью. При этом стрелок перестает осознавать себя человеком, который стремится поразить центр стоящей перед ним мишени. Это состояние не-сознательности достигается лишь тогда, когда стрелок, полностью опустошая свое "я", в конце концов избавляется от него и больше не отличает себя от процесса технического совершенствования.

Между тем в состоянии не-сознательности есть нечто совершенно иного порядка, чем все, чего можно достичь в процессе планомерного освоения технической стороны избранного искусства.

Дзен отличается самым радикальным образом от всех других религиозных, философских и мистических учений в том, что, не теряя контакт с обыденной жизнью, содержит наряду с практичностью и конкретностью нечто выводящее далеко за пределы мирской корыстности и суетности.

Здесь мы вплотную подходим к близости Дзен и стрельбы из лука, а также других видов восточного искусства, таких как фехтование, составление цветочных композиций, чайная церемония, танец и рисование.

Басо (Ма-цу, ? -- 788) провозгласил, что Дзен -- это "обыденное сознание", а "обыденное сознание" -- это не больше, чем "сон, если устал, и прием пищи, если проголодался". Стоит нам только начать рассуждать, обдумывать и формулировать свои выводы, как первичная не-сознательность оказывается потерянной, и нами овладевают мысли. Теперь мы едим не тогда, когда проголодались, а спим не тогда, когда устали. При этом стрела улетает, но не летит прямо в центр мишени, а мишень, в свою очередь, не стоит на своем месте.

Человек начинает целиться и при этом теряет всякую надежду поразить мишень без промаха. Все его занятия стрельбой из лука принимают неправильный оборот.

Беспокойство, поселившееся в уме стрелка, проявляет себя во многих отношениях и в самых разных сферах деятельности.

Человек -- это мыслящий тростник, однако его великие дела свершаются не тогда, когда он рассуждает и вычисляет. Вернуться к непосредственности ребенка можно лишь после долгих лет совершенствования в искусстве забывания себя. Достигнув в нем мастерства, человек может мыслить и в то же время не-мыслить. Тогда он мыслит так же, как падают с неба капли дождя, как разбиваются о прибрежные скалы океанские волны, как ночью среди небесных просторов сияют звезды и как пробивается к солнцу зеленая травка, овеваемая свежим весенним ветерком. На самом деле человек и есть этот ливень, этот океан, эти звезды и эта трава.

На этой стадии "духовного" развития человек становится мастером дзэнского искусства жить. Такому человеку не нужны, как художнику, холсты, кисти и краски; ему также не требуются, как стрелку, лук, стрелы, мишень и другие принадлежности. В распоряжении каждого имеется его тело с головой, руками и ногами. Дзэнская жизнь выражает себя посредством всех этих "инструментов", каждый из которых дает возможность "художнику" уникально проявить себя. Руки и ноги человека становятся кистями, а вся вселенная -- холстом, на котором он изображает свою жизнь в течение семидесяти, восьмидесяти и даже девяноста лет.

Нарисованная таким образом картина называется "историей человеческой жизни".

Хоэн из Госодзэна (? -- 1104) говорит: "Есть человек, который превращает пустоту пространства в лист бумаги, воды океана -- в чернила, а гору Сумэру -- в кисть, а затем вырисовывает этой кистью пять иероглифов со-си-сай-рай-и (1).

Перед таким человеком я расстилаю дзагу (2) и делаю низкий поклон".

Читатель имеет полное право спросить: "Что означает это фантастическое заявление? Почему тот, кто может такое свершить, заслуживает столь высокого уважения?" На подобные вопросы мастер Дзэн может ответить: "Я ем, когда голоден, и сплю, когда устал". Если же он смотрит в этот момент в окно, он может сказать: "Вчера была хорошая погода, а сегодня идет дождь". Однако читатель еще долго может носиться с вопросом: "Куда девался стрелок?" В этой замечательной небольшой книжечке мистер Херригел, немецкий философ, отправившийся в Японию, чтобы заняться стрельбой из лука и открыть для себя секреты Дзэн, увлекательно повествует о своих переживаниях. Познакомившись с его рассказом, западный читатель приблизится к пониманию того, что принято считать странным и непостижимым восточным духовным опытом.

Дайсец Т. Судзуки Ипсвич, Массачусетс, май 1953 1) Буквальный перевод этих пяти китайских иероглифов можно выразить так: "первого патриарха причина для прихода с запада". Эта фраза часто фигурирует в качестве темы мондо. Спросить о причине прихода с запада первого патриарха означает спросить о том, что составляет суть Дзэн. Когда причина прихода понята, Дзэн есть само это физическое тело.

2) Дзагу -- один из предметов, которые носит с собой дзэнский монах. Он представляет собой покрывало, которое монах расстилает перед собой прежде, чем поклониться Будде или учителю. Глава 7 С каждым днем мне все легче удавалось погружаться в спокойное сосредоточенное состояние, как предписывает "Великое Учение" стрельбы из лука. Я научился выполнять все действия, не прилагая для этого усилий, или, если быть более точным, проплывать сквозь последовательность действий, словно во сне. Пока все шло так, как об этом говорил Мастер. Однако я не мог добиться, чтобы концентрация внимания у меня не ослабевала в тот момент, когда вот-вот должен был состояться выстрел. Ожидание в точке наивысшего

напряжения было столь утомительным и болезненным, что либо ослабевало напряжение, либо нарушалась моя погруженность в себя, и я непроизвольно сосредоточивал внимание на предстоящем выстреле.

-- Не думай о выстреле! -- говорил Мастер. -- Если будешь думать, он обязательно не удастся.

-- Я ничего не могу с собой поделать, -- отвечал я, -- напряжение становится невыносимым.

-- Ты чувствуешь его только потому, что все еще не отпустил себя. Но это очень просто. Ты можешь научиться тому, как все должно происходить, у обычного бамбукового листа. Под тяжестью снега он сгибается все ниже и ниже. Внезапно снег соскальзывает на землю, хотя листок для этого даже не шевельнулся.

Оставайся, как листок, в состоянии наибольшего напряжения до тех пор, пока выстрел на отпадет от тебя. Так оно на самом деле и случается: когда напряжение достигает апогея, выстрел должен произойти, он рано или поздно отпадает от стрелка подобно тому, как снег соскальзывает с бамбукового листа, даже если стрелок не успевает подумать о нем.

Несмотря на все, что я делал -- или пытался не делать, -- я не мог дождаться, чтобы выстрел "отпал". Как и раньше, всякий раз наступал момент, когда мне приходилось отпускать тетиву преднамеренно. Переживать эту повторяющуюся неудачу мне было очень трудно еще и потому, что прошло уже целых три года с тех пор, как я приступил к занятиям. Не скрою, что провел много часов, уныло размышляя о том, оправдана ли с моей стороны потеря времени на занятия, которые, на первый взгляд, не имели ничего общего со всем, что я раньше изучал и переживал. Я снова и снова вспоминал саркастическое замечание одного из моих соотечесвенников, который как-то сказал, что в Японии есть чем поживиться и без этого бедняцкого искусства. И хотя я заставлял себя не думать об этом, мне не казался столь уж абсурдным его вопрос о том, что я собираюсь делать со своим искусством, если мне когда-либо удастся достичь в нем мастерства.

Мастер, должно быть, догадывался о том, что было у меня на уме. Мистер Коматия впоследствии рассказывал мне, что Мастер однажды попытался читать какой-то японский учебник по философии, чтобы как-нибудь поддержать меня с позиции, которая была мне хорошо знакома. Однако вскоре он с перекошенным лицом отложил книгу в сторону и заметил, что ему теперь понятно, почему человек, интересующийся такими вещами, встречает такие большие трудности при изучении стрельбы из лука.

Мы провели летние каникулы в безлюдном месте на берегу моря, где необычайно красивые и спокойные пейзажи навевали грезы. Среди самых необходимых вещей мы не забыли взять с собой луки. День за днем я проводил в упорных занятиях, сосредоточивая внимание на отпускании тетивы. Неконтролируемое отпускание тетивы стало для меня своеобразной *idée fixe*, которая овладела мной настолько, что я забыл предупреждение Мастера: "Мы не должны практиковать ничего, кроме self-detaching immersion (само-отверженного созерцания; погружения в само-забытие)".

Перебирая в уме все возможности, я пришел к выводу, что моя ошибка не там, где ее увидел Мастер: не в эгоизме и погоне за призрачной целью, а в том, что я слишком сильно сжимаю пальцы правой руки. Чем дольше я ждал выстрела, тем судорожнее я непроизвольно сжимал

пальцы. Именно здесь, сказал я себе, у меня есть над чем поработать. Вскоре я нашел простое и очевидное решение. Если после поднятия лука я преднамеренно расслаблял пальцы, через некоторое время наступал момент, когда большой палец, неплотно прижатый к остальным, уступал натяжению тетивы как бы спонтанно. При этом происходил молниеносный выстрел, который, как мне казалось, "соскальзывает, как снег с бамбукового листа". Это открытие подкупило меня своим обманчивым сходством с техникой стрельбы из ружья. Чтобы выстрел из ружья был точным, нужно плавно сгибать указательный палец, пока возрастающее давление на курок не приведет в действие спусковой механизм.

Очень быстро мне удалось убедить себя, что наконец-то я стал на правильный путь. Почти каждый выстрел происходил гладко и неожиданно, по крайней мере мне так казалось. Естественно, я не мог не заметить и обратной стороны своего триумфа: действия правой руки неизбежно приковывали в себе мое сознательное внимание. Однако я утешал себя тем, что новое техническое решение вскоре войдет в привычку и не будет требовать моего сознательного участия. Мне казалось, что настанет день, когда благодаря своему открытию я смогу отпускать тетиву в момент наивысшего напряжения, не думая о себе и не осознавая своих действий, и тем самым моя вновь обретенная способность одухотворит себя. С каждым днем убеждаясь в своей правоте, я заглушил нараставший во мне протест и не обратил внимания на предостережения своей жены. Я продолжал занятия, испытывая удовлетворение от мыслей о том, что в конце концов сделал важный шаг вперед.

После возвращения мой самый первый выстрел на уроке у Мастера был, как мне показалось, просто блестящим. Тетива вырвалась из моих пальцев мягко и неожиданно. Мастер некоторое время смотрел на меня, а затем, как человек, который не верит своим глазам, нерешительно произнес: "Еще раз, пожалуйста".

Мой второй выстрел показался мне даже лучшим, чем первый. Не сказав ни слова, Мастер подошел ко мне, взял лук из моих рук и сел на свою подушечку спиной ко мне. Я знал, что это значит, и удалился.

На следующий день мистер Коматия поставил меня в известность, что Мастер отказывается заниматься со мной дальше, потому что я попытался обмануть его.

Очень раздосадованный тем, как было понято мое поведение, я объяснил мистеру Коматие, что изобрел этот метод отпускания тетивы, потому что стремился поскорее добиться успеха. После того, как мистер Коматия походатайствовал за меня, Мастер согласился продолжить со мной занятия при условии, что я пообещаю никогда впредь не оскорблять дух "Великого Учения".

Не знаю, что меня тогда исцелило, глубокое раскаяние или поведение Мастера.

Впоследствии он ни разу ни одним словом не упомянул этот инцидент, а только спокойно сказал: -- Вот видишь, что получается, когда человек не может бесцельно ждать в состоянии наивысшего напряжения. Ты никогда не научишься делать это, если будешь постоянно спрашивать себя: "Смогу ли я бесцельно ждать?" Просто наберись терпением и наблюдай, что происходит -- и как оно происходит! Я напомнил Мастеру, что нахожусь в Японии уже четвертый год, и что срок моего пребывания в этой стране ограничен.

-- Путь в цели не может быть измерен! Причем здесь недели, месяцы, годы? -- А что, если мне придется прервать занятия на полпути? -- спросил я.

-- Если ты по-настоящему перерастешь свой эгоизм, ты сможешь прервать занятия в любой момент. А пока продолжай заниматься.

И вот мы начали все с самого начала, будто то, чему я уже научился, было мне совсем не нужно. Однако ожидание в точке наибольшего напряжения было для меня таким же неудачным, как и раньше. Создавалось впечатление, что я никогда не смогу выйти из этого затруднительного положения.

-- Как может выстрел произойти, если "я" не отпускаю тетиву? -- спросил я однажды у Мастера.

-- "Оно" отпускает тетиву, -- ответил он.

-- Я слышал эти слова от вас уже несколько раз. Разрешите мне задать вопрос по-другому. Как я могу, не осознавая себя, ждать выстрела, если "меня" там уже нет? -- "Оно" ждет в состоянии наибольшего напряжения.

-- Кто такой или что такое это "Оно"? -- Как только ты узнаешь это, я тебе больше не понадобится. Если же я объясню тебе словами то, что ты сам еще не пережил, я буду худшим из учителей, который не достоин учить других! Поэтому давай прекратим наш разговор и продолжим занятие.

Проходили недели, но я не делал никаких видимых успехов. В то же время я обнаружил, что отсутствие прогресса нисколько не волнует меня. Может быть, мне надоело заниматься? Достигну ли я мастерства в искусстве стрельбы из лука, осознаю ли я загадочное "Оно", о котором говорит Мастер, станет ли мне когда-нибудь Дзэн более понятным -- все это вдруг показалось мне столь отдаленным и несущественным, что я полностью перестал беспокоиться. Несколько раз я собирался поведать об этом Мастеру, однако каждый раз, оказавшись перед ним, не мог собраться с духом. К тому же, я был убежден, что не услышу от него ничего, кроме монотонно повторяемых слов: "Не спрашивай, занимайся!" Поэтому я перестал задавать вопросы и перестал бы приходить на занятия, если бы Мастер настоятельно не требовал этого. Так проходил день за днем, я выполнял свою профессиональную работу и даже перестал сожалеть о том, что уже несколько лет бессмысленно прилагаю усилия.

И вот однажды после того, как я выстрелил, Мастер низко поклонился и прервал течение урока восклицанием: -- Вот сейчас выстрелило "Оно"! Я с недоумением уставился на него. Когда до меня в конце концов дошел смысл его слов, я не смог удержаться и радостно вскрикнул.

-- То, что я сказал тебе, -- произнес Мастер строгим голосом, -- не похвала, а факт, который не должен тебя касаться. Не думай также, что мой поклон относился к тебе, потому что ты не имеешь никакого отношения к этому выстрелу.

Просто в этот раз ты не осознавал себя и находился в состоянии наивысшего напряжения без всякой цели, поэтому выстрел отвалился от тебя, как с дерева падает созревший плод. А теперь продолжай заниматься так, словно ничего не произошло.

Только по прошествии некоторого времени у меня иногда стали получаться правильные выстрелы, каждый из которых Мастер приветствовал низким поклоном.

Как случилось, что выстрел происходит без моего сознательного участия, и как могло быть, что моя плотно сжатая правая рука вдруг сама по себе разжималась, я не мог понять тогда и не в состоянии объяснить теперь. Факт остается фактом: это происходит, и все остальное при

этом не имеет значения. Между тем я, по крайней мере, научился сам отличать правильные выстрелы от неудачных.

Качественное различие между ними столь значительно, что тот, кто хотя бы один раз его почувствовал, впоследствии не забудет его никогда.

Наблюдатель может отличить правильный выстрел от неправильного по тому, что после выстрела правая рука стреляющего отскакивает назад очень плавно, и тело при этом не вздрагивает. И еще, после неудачного выстрела из груди вырывается сдавленный выдох, за которым не сразу можно сделать следующий вдох. После удачного же выстрела выдох продолжается до конца без усилий, вслед за чем воздух снова медленно заполняет грудь. Сердце при этом продолжает биться ровно и спокойно, и, не теряя полноты внимания, стрелок может без промедления переходить в следующему выстрелу.

Субъективно, с точки зрения самого лучника, правильный выстрел вселяет чувство, что день только что начался. Человек чувствует расположенность к благим действиям и -- что, пожалуй, даже более важно -- в благим не-деяниям.

Блаженное, надо сказать, это состояние. Мастер сказал с едва заметной улыбкой, что тот, кто пребывает в нем, не теряет его до тех пор, пока не осознает его.

Только невозмутимое спокойствие духа может встретить это состояние так, что оно впоследствии не побоится вернуться к человеку.

Лондон 1953